

24 МАЯ 1969

г. Свердловск

Газета № . .

НАШИ ГОСТИ

ЖИВОПИСЬ СЛОВОМ

Игоря Ильинского — артиста кино — свердловчанам представлять не нужно. В свое время, насколько мне помнится, встречались они с ним и в театральных спектаклях на сценах города. А вот с Ильинским-чтецом, — как-то уж так получилось, — «очное» знакомство все откладывалось и откладывалось. Только радиопередачи доносили до уральских поклонников большого актера его голос, читавший Гоголя и Толстого, Бернса и Маршака, Крылова и Михалкова...

Но не зря подмечено, что лучше один раз увидеть, чем сто услышать. Каждое новое выступление в эфире только усиливало желание воочию встретиться с большим мастером, которому доступно самое трудное — сделать зримым, осязаемым все, о чем говорится в повести, рассказе, стихотворении.

В общем, нет ничего удивительного в том, что нынешние долгожданные

свердловские гастроли Ильинского-чтеца сразу же оказались в центре внимания многих и многих. И врезались в память, и по-настоящему разбудоражили сердце...

Да и могло ли быть иначе? Ведь Ильинский — чтец особый. Он, действительно, живописует словом, наполняя «плотью и кровью» литературные образы и события.

Вот тихо, не торопясь, сознательно подчеркивая певучесть и мелодичность гоголевской речи, актер произносит первые строки из удивительной по лаконизму и правде повести о старосветских помещиках:

— Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владельцев отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими...

И словно по мановению руки волшебника попадаешь в мир дряхлых мазаных домиков, утопающих в багрянце вишен и яхонтовом море слив... И уже до

последней морщинки можно разглядеть добрые лица Пульхерии Ивановны и ее досточтимого супруга, морщинки, «расположенные с такой приятностью, что художник верно бы украл их»...

Но самое главное — точно выверенным словом, интонацией, жестом, внутренним стопроцентным сопереживанием с героями повести Ильинский умеет объяснить нам, откуда у гоголевских персонажей, жизнь которых, казалось, «состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, да добродушных распросов», — оказалась вдруг такая способность на «сильные ощущения души». В любой, самый будничней или забавный момент актер видит в них людей, по своему интересных и обаятельных, людей, чья жизнь обделила своим вниманием и тревогами.

И тогда комическое и трагическое становится рядом, образуя то неповтори-

мое своеобразие гоголевского видения мира, которое в литературоведении называют «смехом сквозь слезы»...

Я так подробно остановился на «Старосветских помещиках», потому что именно в них открылась для меня самая важная черта Ильинского-чтеца: его умение проникать в самые «глубины» авторского замысла, когда акценты ставятся прежде всего на том, о чем и во имя чего написано то или другое произведение.

Этим я вовсе не хочу преуменьшить пристальное внимания, проявляемого актером к художественным особенностям исполняемого произведения. Но все-таки мысль, идейный творческий прицел — прежде всего. Ради них, во имя их и филигранная отделка фразы, и возможно более полная самоодача тому, что чувствуют, переживают герои повестей, рассказов, стихов. Так было во вре-

мя исполнения «Старосветских помещиков», так было, когда Ильинский читал отрывки из Льва Толстого, так было, когда исполнялись басни Крылова...

К сожалению, несколько иначе было во время чтения монологов Огурцова или рассказов Зощенко. Нет, мастерство актера оставалось прежним. Возражение вызывало другое: репертуар оказывался просто не соразмерным таланту чтеца. Ильинский невольно как бы «разменивался по мелочам».

Согласитесь, было от чего огорчаться!

Но нет худа без добра. Просчеты концертов еще раз помогли понять, в чем сила искусства большого актера, наделенного редким талантом живописца словом.

Л. МАКОВКИН.

На снимках: читает народный артист СССР Игорь ИЛЬИНСКИЙ.

Фото А. Нагибина.